

ГЕННАДИЙ
ДЕМАРЁВ

СИМФОНΙΑ ВОЗМЕЗДИЯ

Геннадий Демарев

**Симфония возмездия,
или месть горного духа**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Демарев Г.

Симфония возмездия, или месть горного духа / Г. Демарев —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Безжалостно круша окружающий мир, перекраивая его на удобный для нас лад, мы не задумываемся над тем, что в нём всё взаимосвязано и подчиняется законам, постигнуть которые человеку пока не по силам. Представители современного мира, совершенно чужие друг другу люди, оказываются тесно связанными общим для них всех грехом. Грех не против каких-то отдельных людей, а грех против среды обитания, для которой мы, к сожалению, остаёмся всего лишь гостями – неблагодарными, невежливыми, наглыми. Нельзя думать лишь о дне сегодняшнем, нельзя безнаказанно вредить природе, нельзя построить счастье, основав его на грехе – вот основная мысль автора, красной нитью проходящая через всё произведение. Почему именно «Симфония»? – спросите Вы. Потому что повесть написана по всем правилам музыкального искусства. В ней все поступки действующих лиц «разыгрываются, как по нотам», да и названия частей полностью соответствуют музыкальным канонам.

© Демарев Г.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Introductio	5
Allegro accelerando	7
Andante contabile	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Геннадий Демарёв

СИМФОНΙΑ ВОЗМЕЗДИЯ, ИЛИ МЕСТЬ ГОРНОГО ДУХА

*«Дух есть жизнь, которая сама
врезывается в жизнь; собственным
страданием расширяет она собственное
знание...*

*А счастье духа таково: быть помазанным
и освященным слезами, как жертвенное
животное...*

*Поистине, вы не знаете гордости духа!
Но еще менее перенесли бы вы кротость
духа, если б она когда-нибудь вздумала
заговорить!»*

Ф. Ницше. «Так говорил Заратустра»

Introductio

Дорогой друг!

Мы живем в печальное время, когда примитивизмом пропитаны даже те романы и повести, которые издаются миллионными тиражами. Вы жалуетесь на унылое однообразие сюжетов, заикленных на вульгарном материализме, включающем в себя насилие и жестокость. Словом, литературный стиль, вошедший в моду вместе с политическим беспределом, Вас не устраивает, и Вы предлагаете мне написать нечто новое.

Признаться, я всерьез разделяю Ваше отношение к большей части того, что нынче стало модным, и это касается не только десятков тонн лжелитературной шелухи, выставленной напоказ в дорогих переплетах, но и многих других отраслей искусства – кино, живопись и даже образование. Я уже не говорю о музыке...

Однажды всякая творческая личность, глядя на наработанный материал, скопившийся на полках домашнего стола, приходит в уныние от мысли, что все это невозможно издать. Она приходит в отчаянье по поводу того, стоит ли вообще творить. Получается своего рода дилемма: ты творишь хочешь, потому что не творить не можешь, но обществу сие безразлично и не нужно, потому что оно уже успело отупеть. К сожалению, труд автора не заканчивается последней точкой; он вынужден еще и быть менеджером, маркетологом и прочим, чтобы найти издательство, которое его не обманет, и спонсоров, которые дали бы средства на издание. А последнее, знаете ли, далеко не всякому под силу и не всегда оправдывает надежды. Мне приходилось встречать бритоголовых дельцов, которые с ухмылкой отказывали в поддержке, говоря:

– А я книжек не читаю, у меня и без них достаточно денег.

Тогда автор направляется в Союз писателей, надеясь там встретить новых Достоевских, Тургеневых, Золя и получить от них поддержку. Не тут-то было! Здесь и начинается его наиболее трудное и унижительное испытание. Всякое общество, союз, партия – не более, чем кормушка для нескольких сотен бездельников, кухня, которая рассчитана на определенное количество едоков. Как правило, в таких кухнях находится значительно большее количество желающих поест, потому что они испытывают вечный, неутолимый голод и готовы сожрать всякого чужака вместе с его сочинениями. Они отказывают новичкам, облекая сей отказ в различ-

ные формы: к примеру, мне намекали, что надо писать исключительно на украинском языке, давали понять, что надо дать взятку, предлагали взять «кого надо» в соавторы; а однажды едва не украли роман! Мне знакомы по крайней мере три osoby (с которыми сейчас носится телевидение как с гениями), которые выпрашивают у новичков что-то почитать из новых творений, а затем, слегка испоганив рукопись, внося в неё свои «коррективы», издают под собственным именем. После столкновений с такими проблемами человек спивается, сходит с ума, стреляется, но сие никого не занимает.

Так что вы видите, друг мой, сколь труден удел писателя в украинском государстве. Я исполнил Вашу просьбу исключительно из любви к музе и уважения к Вам. Впрочем, если Вы ожидаете от предлагаемой вещи чего-то высочайшего, необычайного, потрясающего, мой Вам искренний совет: забросьте её ко всем чертям! В поисках красоты слога лучше обращаться к А.Дюма, в погоне за романтикой лучше читать Ф, Мариетта, а если желаете что-то о психологии, прочтите всего Ги де Мопассана.

Что касается Вашего покорного слуги, то смею заверить, что я – всего лишь одинокий странник, с трудом преодолевающий тернии на бесконечном пути к Мудрости, а поскольку до конца сего пути ещё слишком далеко, чтобы можно было говорить об изяществе, величии и божественности, то и сочинения мои столь же, по-видимому, тернисты, как и сам путь. Поэтому не ленитесь читать их вдумчиво, не считая затруднительным для себя сделать это даже дважды.

С уважением, Ваш Г. Демарёв.

Allegro accelerando

В мягком шёпоте ветра с дрожащей листвой деревьев, в мирном плеске прибрежной волны, в немом движении червей и взглядах животных – всюду и во всем присутствовала его воля, его частица, его власть. Он не обладал ни полем, ни первоначальным принципом, ни смыслом бытия; ему неведомы эмоции и страх, мечты и вожеления. Он создал этот мир, был его хозяином с древнейших времён, совершенствуя его по своему усмотрению, и никогда не замечал, чтобы какая-нибудь сила противоречила его волеизъявлению. Во Вселенной существует несметное количество разнообразных сил и властей, но ему ведомо их число и назначение, – кому же ещё об этом знать, как не ему: ведь он-то и создал их на заре времён, предназначивая назначение всякой вещи и сущности.

Некогда он воспылал жадой творения и был создан мир, в котором воцарилась материя; подстрекаемый желанием видеть движение, он сотворил растения, животных и ветер; наконец, когда ему захотелось почитания, был создан человек.

Откуда возникло сие последнее желание, на чем оно основывалось? Он не искал ответа на этот вопрос, ибо он являлся слабой стороной его рассудка...

То была чрезвычайно бурная эпоха, когда он собрал воедино подвластные силы и воскликнул:

– Да будет!..

Из неустойчивых духовных субстанций низшего уровня сформировались газопылевые облака, которые, сжимаясь, порождали сверхвысокие температуры и обрели притяжение.

– Да будет!..

Облака сжались во множество пылающих звёзд, бурлящих и устрашающих, но он не испугался, ибо знал, что отныне только он властелин творения, а само творение – его детище, его первоначальная идея. Во Вселенной стало жарко и сей жар породил пары.

– Да будет!..

Совмещая несовместимое, он создал твердь и воду. Вулканы всё ещё продолжали бушевать, выбрасывая сгустки материи, а на Земле уже выросли материки, на побережьях зародились первые клетки жизни.

– Не то... – вздохнул первопроходец творения. – Да будет!..

Из микроскопических структур сформировались макроструктуры: из менее совершенных клеток получились растения, корнями уходящие вглубь земных недр, а из клеток более сложных – животные. Он внимательно следил за развитием жизни, и сему созерцанию не мешали ни пространство, ни время. Для истинного творца два миллиарда лет – один миг. Растения и животные кишели в прибрежных водах и на суше в громадном разнообразии. Тепло и чистый воздух способствовали их размножению и росту. Но он заметил, что те и другие существуют исключительно для поедания друг друга, а это означало, что растения и животные обладали единой сущностью.

– Не то... Да будет!..

В сие приказание было вложено больше твёрдости, нежели полагалось, вследствие чего материки вновь затряслись и сдвинулись с мест, вулканы загревели мириадами вспышек, моря грозили выплеснуться из берегов, а горы – обрушиться в океаны. Когда гром и треск прекратились, моря и горы успокоились и материки застыли в новых местах, обретая иные формы, он с удовлетворением узрел новую, потрясающе величественную картину. В морях царили огромные зубастые ящеры, которые поедали не менее огромных и не менее зубастых рыб, а последнее, в свою очередь, норовили сделать то же самое с ящерами. По суше шныряли огромные чудовища, поедавшие сородичей, и возносились ввысь растения, достигавшие неоправданной высоты, вследствие чего грунты истощались. В воздухе парили зловонные крылатые ящеры,

хватавшие на лету сухопутных и морских сородичей. Все эти существа обладали поразительно устойчивым аппетитом и совершенно не имели ума.

– Не то... Да будет!..

Снова загрохотали громы, о поверхность Земли ударился какой-то астероид, в атмосфере воцарились зловоние и пыльный сумрак. А когда всё успокоилось, мир обрёл обновлённый вид: материков оказалось целых шесть, гигантские ящеры исчезли, как и огромные деревья и насекомые; взамен появились млекопитающие и красивые певчие птицы. В морях иногда встречались большие животные, но они обладали аппетитом не большим, нежели требовался для утоления голода.

– Вроде бы всё прекрасно! – восхищённо произнёс творец. – Но разве я этого хотел?

Он не мог понять, каким образом животные получили тела, обладающие поразительной грациозностью, откуда птицы научились мигрировать и красиво петь, ведь о таком он даже мечтать не смел. Как бы там ни было, у него получилось! А если так, нужны и те, кто бы славил его имя, восхвалял его способности, называя мудрейшим и единственным. Какой вид должны иметь эти создания, какую меру разума? Он размышлял над этой задачей долго, не замечая, что первобытные млекопитающие уступили место более совершенным, – без всякого волеизъявления властелина.

И вдруг от мыслей его отвлекло какое-то чарующее пение: множество голосов возносили хвалу Незримому Духу и Человеку.

– Что за дух такой и что за человек? – обеспокоено вскричал творец, двигаясь всеми своими формами, приводя в смятение подвластные силы. – Узнать немедленно!

Ему доложили прискорбную весть: оказывается, во Вселенной кроме него есть ещё один властитель, властитель более совершенного уровня, ибо он создаёт и совершенствует духовные структуры. Этого соперника называют Духом Незримым или Богом, и есть у него множество слуг, воспевающих его имя, а также Человек, сущность которого сияет, словно звезда, чистотой, мудростью и величием.

– Нет! – вскричал творец. – Я и только я настоящий властитель, творец и бог во Вселенной!

И решил он создать человека, который мог бы прославлять его имя. Как некогда он создавал животных по духовному образу и подобию своих слуг, так и теперь замыслил человеческую форму и сущность по образу и подобию своему. И призвал он триста шестьдесят пять архонтов из числа слуг своих и приказал им создать части человека.

Творец сам обладал раздвоенной сущностью. Нкогда возникший в Первобытном Хаосе как ошибка, он наполовину состоял из духа и наполовину – из материи. Обладая формой в виде змеи с головой льва, он имел власть над духовными структурами, но сущность его оставалась целиком материальной и хищной. Вот и сейчас у него получилось творение, рядом черт напоминающее обезьяну. Позднее антропологи назовут его неандертальцем.

– Живите и размножайтесь! – велел творец этим созданиям, скопировав их великое множество. Лишённые духовной сущности, эти существа обладали зверским аппетитом, что не пришлось по сердцу властелину. Тогда он решил прибавить им ума, и вследствие сего преобразования у неандертальцев исчезли лишние волосы, выровнялась походка, смягчился нрав. Они принялись славословить имя создателя, звучащее по-разному во многих местах, мастерили примитивные статуэтки, которым давали имя своего бога, несмотря на полное незнание его. От многочисленных курений, костров и жертвоприношений дым устремился творцу прямо в ноздри, мешая ему дышать, но он улыбнулся, говоря:

– Это хорошо!

Вскоре жертвоприношения приобрели массовый характер, на алтари начали возлагать людей.

– Хорошо, – продолжал улыбаться хозяин мира.

Ему это нравилось, ибо иного поклонения он не ведал.

Между тем люди принялись поедать друг друга. Это было плохо, но вдруг у творца появилась мысль: «А почему бы не превратить сие поедание в ритуал, посвященный мне?»

– Да будет так!

И вдруг планета вздрогнула от сильного удара. На её поверхность упало большое космическое тело. Атмосфера наполнилась пылью, от которой стало нечем дышать. Она не пропускала солнечных лучей и потому стало ужасающе холодно. С севера и юга надвигались бескрайние льды, покрывающие все большие территории.

– Что это? – злился хозяин, потому что не мог объяснить сие явление, происходящее помимо его воли.

От холода его почитатели вымирали, словно мухи, инстинктивно продвигаясь из обжитых мест поближе к экватору. Сто тысяч лет продолжалось оледенение, после чего ледник постепенно ушёл. Люди стали светлокожими, почти безволосыми; в их глазах засветился ум, но в этом уме мелькали только хищные мысли. Это были кроманьонцы. Шестой материк так и остался подо льдом, как и северное море, поскольку всё на свете любит равновесие. Однако хозяин нашёл это неудачным; впрочем, все его усилия, направляемые на изменение положения, оказывались тщетными. Ко всему, в одном из благодатнейших районов Земли, в том месте, откуда берут начало четыре великих реки, вырос прекрасный лес, где по необъяснимым причинам лев не бросался на ланей, а серна не бежала от волка. Там было чудесно, но ни одна из сил, подвластных хозяину материи, не могла проникнуть туда. И тогда хозяин, приняв образ высшей духовной субстанции, отправился в дивное место. Никто его не прогонял оттуда, или, казалось, не замечал. Как раз в этот момент под деревцем, усыпанном райскими яблоками, какой-то седовласый старик с добрыми глазами о чем-то наставлял красивого золотоволосого мужчину.

– Что это? – удивился творец. – Такого человека мне встречать не приходилось.

Старик говорил:

– Живи по тем заветам, которые я дал тебе, и будет благо. Твоя духовная сущность пребывает со мной и я охотно помогу твоему телу и разуму. Следи за порядком в мире, исполняй мои законы и укрепляй свою веру. Исправлять великие ошибки следует с малого; вот и очистить мир от греха можно только начиная с материальных форм.

Потрясённый зрелищем, властелин замер, вслушиваясь в каждое слово старца.

– Человек, – продолжал тот. – Ты – наивысшее из творений. Если ты будешь жить согласно моим законам, в мире установится высший порядок. Он поклонится тебе, а на небе ангелы воспоют тебе хвалу. Остерегайся только противника моего, который везде и всюду; он и сейчас слушает нас, оставаясь невидимым для тебя. Уверен ли ты, что воздержишься от соблазнов?

– Да, отец мой, – ответил Человек.

Попрощавшись, старик исчез. «Вот он каков, мой противник! – осенило творца. – Значит, я больше не хозяин?»

Он не возвратился в свои сферы, предпочитая оставаться в Эдеме, чтобы изучить Человека. Для этого он обрёл свою форму, и когда голова льва стала схожей с солнцем, он явился пред очи человеческие.

– Ты кто? – спросил тот, удивленно глядя на незваного гостя. – До сих пор мне не приходилось видеть тебя. Где ты был, когда я давал имя каждой твари?

– Я не животное, – ответил тот. – Я – Змий.

Он удивлялся, ощутив, что не может смотреть Человеку в глаза и готов подчиняться ему.

– Змий? А, ты, наверное, тот, о ком говорил мой Отец! Это ты противник его?

– До сего дня, я, признаться, не знал о твоём отце ровным счётом ничего. Да и о тебе тоже, человек. Но сегодня я увидел тебя и этот райский уголок. Мне хочется изучить тебя, познать твоего отца и ваши сущности.

Вкрадчивый голос гостя ещё звучал, а в сознание Человека закралось предостережение: «Не верь ему, прогони его!»

– Уходи, Змий! – промолвил Человек вслух.

И гость неожиданно почувствовал, что готов охотно подчиниться!

– Ты – бог? – вскричал Змий потрясенно.

– Нет, я не бог, но Человек. Уходи прочь!

Властелин, подчиняясь непонятной силе, исходящей из глаз и голоса Человека, убежал, словно побитое животное.

«Ну, погоди! – думал он. – Не можешь ты быть полностью неуязвимым, поскольку материален. Настанет момент, когда я доберусь до твоей сущности, до твоих инстинктов, пробужу в тебе дикие желания, вплоть до зверских... Вот тогда я и обращу тебя против своего врага!»

Проходило время. Однажды Человеку захотелось съесть побольше бананов, потом – яблоч, а позднее в нём проснулось желание испробовать мяса животных. Эта мысль становилась слишком навязчивой, чтобы ей можно было противостоять. Но животное следовало вначале убить. Размышляя над тем, каким образом это можно сделать, он бродил по Эдему и вдруг встретил красивое создание. По своему облику оно было похоже на него, только волосы имело более длинные, черты – нежнее, а в глазах светились мягкость и доброта.

– Кто ты? – спросил он.

– Я – жизнь, я – луч света мудрости, – пропела красивым голосом она. – Называй меня Евой, а я назову тебя Адамом.

– Хорошо, Ева. Я буду любить тебя.

– Так и должно быть, – улыбнулась женщина.

– Я знал тебя раньше. Отец говорил, что пошлёт для меня свет жизни. Ты должна придать моему духу нежность и любовь.

– Верно. А ты мне – мудрость и веру.

– И когда мы будем готовы слиться в единую духовную сущность, надобность в материальном мире пропадёт.

На сей раз Адам позабыл о своем кровожадном желании.

Он проводил в компании Евы часы, дни и месяцы, ему было интересно с ней, она была ему необходима.

Между тем кроманьонцы постигали своего творца и нарекали его разными именами, каждое из которых олицетворяло одну из его многочисленных сущностей: Сатанаил, Вель-зе-Ваал, Сакляс, Самаэль, Афоф, Дьявол и т. д. Но им не доставало мудрости свести все эти значения воедино и создать институт государства. К тому времени Адам испробовал мясо животных, вследствие чего Эдем прекратил своё земное существование. Наверное, в то время, когда Ева была занята одним из детей, Адаму стало нечего делать... Адам и Ева вынуждены были поселиться среди кроманьонцев. Сыновья Адама, соблазнённые кроманьонками, переженились на них. В потомстве полубожественная сущность Человека как-то затёрлась, стусеивалась и, в конце-концов, свелась на нет, уступив место кроманьонским инстинктам. И разум человеческий, усиливаемый инстинктами творений Дьявола, стал неуправляемым при своём могуществе. Человек исчез, остался только мужчина. Он однажды понял, что с дочерьми Евы советоваться вовсе не обязательно, и стал править миром, оттеснив её на второй план. В мире людей воцарились жажда наживы и власти, насилие и смерть. Мужчина постепенно утрачивал черты защитника и благодетеля, приобретая черты мужлана, грубияна, хама. В таких условиях и женщина превратилась в мужланку, бабу, хамку, стерву. Иначе она бы не выжила.

Человек перестал отличать истину от заблуждения, добро от зла, порок от добродетели. Он создал институт частной собственности, вслед за чем закономерно сформировался и институт государства. Семья основывалась на мужском праве, а для того, чтобы его защитить, понадобилось и создание государства, основанного на мужских интересах. Для оправдания мужского насилия и с целью обеспечения долговечности государства понадобилось создание мужских религий. Женские культы и божества, олицетворявшие природные стихии и естественную гармонию, уничтожались вместе с их почитателями и почитательницами...

Разбрелись люди с животной сущностью по всему миру, и рассеялась божественная мудрость во мраке времён и деяний, как лучик света. Миром путем насилия стал управлять Дьявол, скрываясь под разными личинами. Одни народы называли его Драконом, повелевающим морями и стихиями, вздымающим волны и вызывающим извержения вулканов, другие нарекли его Атоном, Амоном, Гелиосом, от тепла которого зависит жизнь на планете, третьи – Шивани, Брахмой, Эа, – сияющим, творящим, исцеляющим... Со временем о нём узнали и северные народы, наревшие его Локи, Перуном, Даждь – богом... Дьявол предстал в разных образах, которые могли быть понятны населению конкретных территорий; сия адаптация породила культы различных русалок, леших и прочих. Они стали своеобразной промежуточной цепью между первобытными женскими религиями и более обновлёнными, мужскими. И лишь несколько раз в течение всей истории кое-кто из людей задумался: «А что, если существует некая высшая сила, более мощная, нежели все Амоны, Зевсы и прочие боги?» Следствием этих раздумий стало появление в Афинах монумента в честь неведомого бога и попытка объединить культы Гермеса, Иисиды и Тота (герметизм). Впрочем, человек – такое существо, которое способно ради собственных хищных интересов извратить даже наилучшую идею...

Против диктатуры Дьявола в разные эпохи выступали многие люди, в которых проявлялись, по наитию некоего странного озарения, элементы мудрости. Таковыми были Будда, Заратустра, Иисус Христос и многие совершенно забытые историей и современниками личности, которые не совершали великих подвигов ради церкви, но всегда заботились о ближнем, любили в человеке человека, воспитывали детей в духе добра и совести.

И было хозяину мира сего откровение, что человек, в конечном итоге победит его, но произойдёт это тогда, когда он убьёт в себе животное и в его сущности свинские инстинкты уступят место божественной мудрости. Поэтому Дьявол замер в ожидании. Он слился с горами и вулканами, с морскими водами и твердью земной, и стал ждать, когда наступит переломный момент...

Вообще-то, понятия «Бог» и «Дьявол» – не есть конечная истина о природе и Вселенной, как это пытаются показать мужские религии современности. Если Дьявол возник как следствие ошибки и некой высшей силе стало понятно, что отныне мир приобретет материальные черты и править этим миром станут законы материального мира, то и возникла необходимость в Боге. Бог – это единственная субстанция, которая могла противостоять Дьяволу в условиях материальности. Когда материальный мир прекратит своё существование, отпадёт и необходимость в Боге и Дьяволе. Такие начала как сильное и слабое, чёрное и белое, доброе и злое объединятся и вновь превратятся в некую гармоничную сущность. «Бог есть добро, а Дьявол есть зло», – эти тезисы придуманы человеком как отражение собственной двуликой сущности. Во Вселенной нет ни добра, ни зла, а есть только порядок, закон, необходимость. Потому автор уверен, что добро и зло придуманы моралистами, которые всегда, во все эпохи, были идеологами государственного строя. Если в Древних Афинах считалось грехом убить чужого раба, то убить своего грехом вовсе не считалось. То есть, уже в этой сфере прослеживается интерес защиты частной собственности. Тора учит: «Не убий, не укради...» Совсем не убий и вообще не укради. Но когда Иисус Навин завоевывал чужие земли, можно было убивать иноверцев, сколько угодно, потому что иноверец – не человек. Здесь прослеживается извращение истины, предписанной Богом, в угоду древнееврейской агрессивности и стремлении обрести новые территории. Чем

далее по векам истории продвигалось развитие человеческого стада, тем более вычурные формы приобретали человеческая подлость, наглость и чувство зависти. Наиболее подленькими извращенцами в области законности и морали были римляне. От них этому научились и наши современники, ведь вся юриспруденция, вся философия, всё искусство полемики и риторики базируется на римских достижениях.

К чему я веду? А к тому, что хочу сказать: добро, как и зло не приходят к человеку откуда-то из вне, не посылаются ни Богом, ни Дьяволом; они произрастают в самом человеке, как две могущественные силы. В зависимости от своих побуждений он использует силу воли и отдает предпочтение тому или другому. Если он стремится отнять чужое состояние, а в канонах религии это запрещается, он найдёт лазейку и провозгласит, что у того или иного ближнего, оказывается, можно отнимать, поскольку тот в каком-то отношении «недочеловек», – то есть, не такой, на которого распространяется защита церковных канонов да и самого Бога.

Человек извратил понятия Бога и Дьявола. Бог изображается обязательно добрым и справедливым, любящим и мудрым. Да что же это за религия такая, в которой отсутствует равновесие сил?! Ведь Дьявол не менее мудр и не менее справедлив, чем Бог. Иначе в мире возникло бы неравновесие, его постигла бы неминуемая катастрофа. В конце-концов, обе силы в масштабе Вселенной тесно взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга. Бог и Дьявол стали порождением Большого Взрыва, происшедшего более десяти миллиардов лет назад. Вселенная с того момента стала материальной, в ней стали действовать законы мира материального. Вот и появились две противоположные, но вместе с тем, и взаимодополняющие силы, отождествляющие те или иные законы нового мира. Дьяволу приписываются не какие-то «космические» грехи, а те, на которые горазд только человек. Почему-то человек не пытается искать корень собственной греховности в себе самом, а связывает их с каким-то примитивизированным образом Дьявола: «Бес попутал!» Дьявол, в понимании обывателя, непременно глуп и менее гениален, чем человек. Как это примитивно!.. Даже человек с его крохотным мозгом способен постичь какую-то мудрость в течение семидесяти или восьмидесяти лет жизни. Дьявол, субстанция вездесущая и бесконечная (как и Бог), к тому же не ограниченная мозгом, существует миллиарды лет. Подумайте: ведь за такой промежуток времени можно чему-то научиться, даже в том случае, если изначально не знал ничего?... А теперь попытайтесь ответить на ряд вопросов вроде: зачем, например, Сатане красть курицу у соседки Матвея? Если кражу совершил Матвей, это диктовалось решением его воли, а не воли Сатаны. Точно такие же нюансы встречаются в сознании обывателя о Боге. Если Гриша нашёл клад, это расценивается как удача, потому что Гришка теперь сумеет лучше одеваться и кушать заморские деликатесы. «Слава Богу!» – повторяет он. При чем здесь Бог? Разве Вселенскому Добру угодно, чтобы ты превратился в свинью, начав больше жрать и наряжаться в лучшие шмотки? Чушь какая-то! Вот оно, извечное стремление человека снять с себя всякую ответственность за плохие поступки и переложить её на других; вот оно, извечное стремление к поискам посторонних, которые все исполняли бы вместо тебя!..

А как ратуют священники о том, чтобы в храмах стало побольше прихожан! Они заявляют, что, дескать, молитва, произнесённая в домашних условиях, не так чётко доходит до слуха Божьего, как если б её произнести в храме. А молитва мысленная – и того слабее... Да они противоречат философии своей же церкви! Потому что Григорий Палама, в девятом веке выдвинувший учение о божественных энергиях (между прочим, причислен к лику святых), доказал, что Бог присутствует всюду и во всем, в том числе и в каждом из нас. Следовательно, мысль, – а в данном случае молитва, произнесённая мысленно, – как сгусток энергии, сливается с другой энергией, божественной, которая в человеке же и присутствует.

По большому счёту, если проявлять достаточно хладнокровия и быть объективным, рано или поздно приходишь к выводу, что Бог, как и Дьявол, всего лишь две из многочисленных сторон какой-то неведомой вселенской единой сущности, которые не могут существовать друг

без дружки, взаимодополняют и взаимопродолжают друг дружку, – так же, как огонь и вода, живое и неживое, чёрное и белое...

Простите за такое отступление, но оно, возможно, пригодится нам в дальнейшем.

Andante contabile

Сквозь большое окно в кабинет проникал день. Оно представляло собою большой квадрат, один из тех стандартных квадратов, которые проектируются для городских малогабаритных квартир, и скрывалось за дешёвыми гардинами. На фоне яркого весеннего дня оно казалось дверью в бескрайнюю лазурную даль, в которой быстро мелькали пролетающие птицы. Но, едва проникнув в помещение, радостное сияние дня смягчалось, утрачивало свою красочность и яркость, меркло в складках тканей и тускло освещало тёмные углы. Создавалось невольное впечатление, будто здесь находились в заточении тишина и покой, – тот покой, который всегда царит в жилище исследователя, где вся душа человека уходит в работу. В этих стенах, где мысль обитает, где мысль создаёт, истощается в яростных усилиях, всё начинает казаться усталым и подавленным, как скоро она успокаивается. После вспышек жизни всё здесь словно замирает, всё отдыхает – и мебель, и кресло, и зеркало, и книги с закладками; можно подумать, будто жилище изнемогает от усталости своего хозяина, что оно трудилось вместе с ним, участвуя в его ежедневно возобновляемой битве. Всё застыло, и только шелест бумаги, порождаемый движениями рук Игоря Зайцева, нарушал мертвенный покой помещения.

Взор Зайцева блуждал где-то в необитаемых высотах; он думал и мечтал, мечтал и думал. Что он напишет? Этого он ещё не ведал. Игорь не принадлежал к числу слепо решительных, оптимистически настроенных, ежеминутно уверенных в себе людей; это была натура импульсивная, и во время своих творческих поисков он беспрестанно то вдохновлялся чем-то, то вновь охладевал. Он не был богат, поскольку состояние не могло достаться ему от неимущей матери, а государство устроило так, что молодой человек в нашей стране не может разбогатеть честным путём, особенно, если он – интеллигент. Его знаменитость взошла только на первую ступень, когда имя вскользь мелькает на страницах газет или научных сборников и замечается лишь несколькими десятками или сотнями читателей для того, чтобы тотчас же забыть о нем; теперь он должен заняться кандидатской диссертацией, которая, возможно, вознесёт его на вторую ступень и, что немаловажно, принесёт более солидный заработок. Умница, энтузиаст, упорный труженик, правда, подвластный переменчивой мечте, влюблённый в свои занятия, он достиг, благодаря своим стараниям, замечательного мастерства и гибкости, возникшей из колебаний и попыток работать над разными темами. Игорь, любящий историю и всё то, что за этим словом скрывается, вступил на подмостки карьеры и теперь у него появилось безотчётное желание нравиться; оно томило его и незаметно влияло на его путь, смягчая или укрепляя его убеждения. Его приятные манеры, привычки, уход за собой, давняя репутация дитяти наук составляли своеобразный почётный эскорт вокруг его личности. Не обладая с детства материальной базой для углублённых занятий языками, математикой или чем-то иным, не имея надёжных друзей или хотя бы понимающей матери, он всего добивался сам, что в большой мере способствовало его внутреннему росту, закалке личности и взглядов. По всей вероятности, Фортуна, эта непостижимая дама, нашла в Игоре нечто из ряда вон выходящее и вела его за руку до двадцатичетырёхлетнего возраста. После восьмого класса он бросил школу, чтобы без побоев поступить в медицинское училище, которое, впрочем, оставил после двух лет учёбы, затем, чтобы завершить среднее образование в обыкновенном ПТУ. Получив диплом с отличием, Зайцев устремился в Киевский университет, где сравнительно легко поступил на философский факультет. Затем последовали служба в армии и последующий перевод на заочное обучение. Демобилизовавшись с чувством глубочайшего сожаления о двух безвозвратно утраченных годах жизни, он осознал, что учёба на стационаре столичного вуза не для него: раздетые в меха и «фирму» сокурсники обходили стороной скромного студента Зайцева, которому, увы, нечем было оплачивать издержки обучения. Заочное отделение – не дневное, но суть диплома от этого не меняется, а при некоторой напористости и старательности студента сей

диплом может обрести значительно большую ценность, нежели «бумажка» среднего стационарника. Успокоенный таким рассуждением, Зайцев решил параллельно поступить на исторический факультет в родном городе. Это удалось. Учёба на двух заочных отделениях требовала больших затрат, в силу чего Игорь вынужден был подзарабатывать то заводским грузчиком, то безвестным корреспондентом какой-нибудь захудалой газетёнки. Вскоре на способного студента обратили внимание, пригласили на несколько научных конференций, – и вот, к моменту окончания второго вуза он получил научного руководителя и тему для кандидатской диссертации по истории. Собственно, она уже была почти готова и даже одобрена нужными людьми, но следовало сдать так называемый «кандидатский минимум». Много это или мало для его возраста? При мысли об этом Зайцев пожимал плечами: а какая, собственно, разница? Уже в течение многих месяцев его беспокоил вопрос значительно более приземлённого характера: ему срочно нужно было сменить место жительства. Кажется, будто не бывает задачи более лёгкой, но для Зайцева здесь начинались новые трудности. Первая часть сей проблемы исходила из того вечного банального конфликта, который во все времена характеризовался двумя словами: «отцы и дети». Впрочем, будь у Игоря отец, проблема, по всей вероятности, не обострилась бы до такой степени; но прожить четверть века под одной крышей с матерью, женщиной весьма неуравновешенной и всегда далёкой от его интересов, прожить в одной квартире, постоянно выслушивая различные упреки, издёвки и меркантильные назидания, – это можно расценивать как подвиг. С раннего возраста Игорь понимал, что не испытывает к матери любви, потому что она никогда не любила его. В её глазах он представлял неизменно как плод давнишней связи, испортивший ей молодость и всю последующую жизнь. Но, в основном, отношения с этой женщиной у Игоря обострились в течение послеармейских лет; они накопились до того предела, за которым всё отчётливее вырисовывалась мрачная тень сумасшествия.

Однако нельзя сказать, что они только тем и занимались, что без конца скандалили. До грубых ссор дело никогда не доходило. Игорь был сдержанным человеком и старался всегда уходить от ссор как раз в тот момент, когда намёк на размолвку грозил перерасти в нечто большее. Тем не менее, его удручало хроническое непонимание. Все мысли матери были направлены в одно русло: как ей тяжело живётся, как она мало зарабатывает и как сын не хочет её материально поддержать. Игорь подсчитывал свои доходы и то, что отдаёт матери ежемесячно и получалось, что-то и другое составляло больше, чем средние доходы среднего рабочего. Чем же не довольна мать? – спрашивал он себя с чувством недоумения. К сожалению, он не был психологом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.